

Ефимова Евгения Викторовна

**РЕАЛИЗАЦИЯ ОНИМА "БАБА-ЯГА" КАК ЧАСТИ КОНЦЕПТА "ВЕЧНОЕ / ВЕЧНОСТЬ" В
РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/22.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 62-64. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 398.5

Евгения Викторовна Ефимова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

РЕАЛИЗАЦИЯ ОНИМА «БАБА-ЯГА» КАК ЧАСТИ КОНЦЕПТА «ВЕЧНОЕ / ВЕЧНОСТЬ»
В РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ[©]

Данная статья посвящена содержательному континууму онима *Баба-Яга*, реализующему концепт 'вечное/вечность'. Рассматриваемое единичное понятие является одними из самых древних, поэтому предполагает обращение к народной мудрости, к сказкам, в которых значимой фигурой является владычица леса - Баба-Яга.

На примере некоторых русских народных сказок о Бабе-Яге можно наблюдать эволюцию образа, ставшего неотъемлемой частью русской культуры: ему (образу) приписывались деяния, к которым Баба-Яга была не склонна, а некоторые ее добродетели забылись.

Этимологический анализ онима Баба-Яга показывает, что в разных местных традициях имя имеет различные варианты и огласовки: в белорусских и украинских говорах - *Баба-Юга*, *Баба-Юза*, в русских - *Баба-Ягабова*, *Егабиха*, *Егибиниха*, *Яга-Яганишина* и т.п. В славянских языках лексема «*яга*» и ее производные связаны с понятием опасности, злобы, мучений и ужаса. Так, в болгарском языке слово «*еза*» означает «мука», словенское *jeza* - «гнев», чешское *jezinka* - «злая баба». Нередко в сказках Баба-Яга именуется ведьмой или колдуньей, что связано с мифологической основой ее образа.

Иная ипостась Бабы-Яги раскрывается в более древней этимологии. Например, параллель: рус. **ia-ga* - *Яга-баба*; др.-инд. **iā-ta* - *Яма* (*владыка царства мертвых*); лат. **iā-nus* - *Янус* (*бог входов и выходов*); греч. **iā-s-ō* - *Иасо* (*богиня исцеления*).

Перед нами модификация одного корня, значение которого можно определить как «жизненная сила земли», также в этой лексеме наблюдается соотносительность с семантическим признаком «исцелять, вливать жизненную силу» [5, с. 87].

В связи с последним толкованием имени хочется развеять один из мифов о Бабе-Яге. Во многих сказках Баба-яга хочет зажарить нерадивого ребенка в печи и порой даже успевает его измазать тестом и посадить на лопату. Во-первых, у нее никогда не получается довести начатое до конца. Во-вторых, здесь наблюдается связь с врачующей силой данного персонажа: в народной медицине есть такой способ лечения - «припекание» ребенка. Когда у малыша обнаруживалась болезнь *сухота*, она же «собачья старость», его обмазывали теплым пресным тестом, привязывали к лопате, чтобы не упал, и быстро трижды засовывали в натопленную печь. Так что в данном сюжете Баба-Яга выступает не столько вредительницей, сколько целительницей.

В трактовке онима *Баба-Яга*, который номинирует владычицу царства мертвых, важно упомянуть понятие *женская инициация*, известное в культурных традициях разных стран и нашедшее отражение в русском фольклоре.

На первом этапе главное - «физическое отделение от родителей, от теплого домашнего очага - от всего того, с чем очень тяжело расстаться добровольно» [2, с. 24].

Далее следует этап мнимой смерти, за которой - перерождение неопита и обучение необходимым ему в новой жизни навыкам.

«Обязательно во время инициации присутствует испытание. Опять-таки, можно перечислять бесконечное количество форм испытания, заготовленного обществом для неопита: изоляция, запрет видеть солнечный свет, ступать на землю и т. п. Смысл испытания - перестать опираться на внешние ресурсы, а обратиться к внутренним, своим собственным, до сей поры неведомым» [2, с. 28].

Наконец, в любом ритуале посвящения есть стадия возвращения.

Инициация для героинь в русской фольклорной традиции обычно начинается с отправки в лес с требованием выполнить какое-нибудь задание: добыть огонь (в сказке «Василиса Прекрасная»), натянуть полотно (в сказке «Дочка и падчерица») - или просто с желанием избавиться от нее (в сказке «Морозко»).

После трудного и длинного пути в лесу героиня видит необычную избушку, имеющую особое расположение в сказочном пространстве. Она находится где-то «за тридевять земель», в темном, дремучем, непроходимом лесу где нет «ни стежечки, ни дорожечки». Такое место в мифологическом сознании воспринимается как погусторонний мир, частью которого, по мнению многих исследователей, и является Баба-Яга. Достигнуть избушки может только герой или героиня.

Жилище Бабы-Яги необычно. Это избушка «на курьих ножках», а вход в нее находится с противоположной стороны. Она всегда открытой стороной обращена к тридесятому царству, а закрытой - к царству, откуда пришла героиня. Ее нельзя обойти, потому что она как будто стоит на какой-то невидимой грани, через которую путник никак не может перешагнуть. Порой избушка лесной жительницы окружена забором из человеческих костей, на котором устрашающе висят черепа прежних героев и героинь [4, с. 467].

И для того чтобы проникнуть в этот дом, где замком служат человеческие руки, а воротами ноги, необходимо либо знать заветные слова - заклинание, либо пройти вместе с хозяйкой этого мрачного жилища. Баба-Яга подобно римскому Янусу, является хранительницей входа в потусторонний мир и не пропустит туда людей, которые не должны там оказаться.

Свидетельством отношения Бабы-Яги к потустороннему миру является еще одна особенность - «костяная нога» - ее постоянный эпитет. Возможно, прообраз Бабы-Яги настолько прочно был связан с потусторонним миром, что животная нога превратилась в костяную, а возможно, это своеобразный пропуск в царство мертвых, ведь всем известно, чтобы что-то получить, необходимо что-то отдать взамен, в данном случае - ногу. Как бы то ни было Баба-Яга является частью как мира живых, так и мертвых.

Для доказательства пограничного состояния Бабы-Яги можно привести исследование Т. Г. Фоминой, которая рассматривает категорию одушевленности/неодушевленности, опираясь на способность к движению, и утверждает, что одушевленные предметы (существа) обладают уникальной способностью - самостоятельно передвигаться. Баба-Яга же, во-первых, летает (прерогатива духов, умерших), во-вторых, делает это с помощью посторонних предметов: «в ступе едет, пестом погоняет, помелом следы замечает», т.е. сама двигаться она не может. В-третьих, она обладает мертвой ногой, т.е., по мнению древних людей, у нее не функционирует один из жизненно важных органов.

Теперь обратимся к другому не менее интересному вопросу внешнему облику Бабы-Яги. В выше упомянутых сказках «Василиса Прекрасная», «Морозко», «Дочка и падчерица» речь, конечно, идет об инициации, но только в одной из них мы встречаем образ «классической» Бабы-Яги.

Несмотря на споры вокруг образа Бабы-Яги, все ученые сходятся в одном, этот образ сложен и является собирательным, как в его функциях, так и во внешнем «оформлении». Что и дает возможность утверждать, что Морозко из одноименной сказки и медведь из «Дочери и падчерицы» являются функционально «одним» образом - Бабой-Ягой. Баба-Яга - хранительница леса, животных, обладает способностью оборачиваться в различных зверей и птиц. В некоторых сказках Баба-Яга заменяется животными, в том числе медведем, соколом и т.д. В. Я. Пропп приводит некоторые примеры образов, которые могут заменить функцию ягидарительницы: ведьма, старуха, старик, пастух, леший, ангел, черт, три девицы, царская дочь и т.д. «могут быть удовлетворительно объяснены как замены и другие трансформации Яги». Общность их функциональной нагруженности дает право утверждать о своеобразной синонимичности единиц данного ряда.

Баба-Яга - персонаж, обладающий волшебной силой, и сила эта заключается в слове. Чтобы проникнуть в ее избушку, надо знать заветные слова. Баба-Яга, собирая природные силы, чтобы помочь герою/героине, призывает их словом. Баба-Яга говорит мало, но если говорит, то речь ее наполнена богатым заветным смыслом, подобного же она требует и от героинь. Отсюда испытание словом, которому подвергаются героини, попавшие в избушку к Яге.

Так в сказке «Василиса Прекрасная» последнее испытание для девушки - вопросы, которые должна задавать сама героиня, помня что «не всякий вопрос к добру ведет». Таким образом, Баба-Яга уже ввела табу на определенную тему. Хотя в тексте достаточно намеков, эта тема не имеет названия, даже слова автора конкретно не определяют ее.

Василиса спрашивает о том, кто такие таинственные всадники, которых она видела по пути к дому Бабы-Яги (ответ: день, солнце и ночь - «всё мои слуги верные» - подтверждает ещё раз «божественный» характер Бабы-Яги). Однако от вопроса о том, что она видела внутри дома, Василиса мудро удерживается. А внутри дома она видела три пары рук, которые выполняли за Бабу-Ягу всю работу, что бы та ни приказала.

Вопрос о том, чем являются три пары рук, которые выполняют любое задание Бабы-Яги, волнует не одно поколение исследователей. Существует мнение, что это «единство Бабы-Яги в трех лицах» [3, с. 34], т.е. своего рода «христианизация» образа.

Догадливость Василисы спасает ей жизнь: если бы девочка задала именно этот вопрос, Баба-Яга съела бы её как обещала. Таким образом, сам этот вопрос определяется как запрещённый, относящийся к области табу.

Из дальнейшего течения разговора выясняется парадоксальность характера Бабы-Яги: теперь она сама обращается к Василисе с вопросом:

«Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?»

- Мне помогает благословение моей матери, - отвечала Василиса.

- Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных!»

В словах Бабы-Яги виден намёк на то, что неблагословенные ей зачем-то нужны. И эта необходимость (потенциальная, едва брезжащая) Василисы для Бабы-Яги заставляет вспомнить о том, что имя её означает: царица Прекрасная. Василиса становится царицей только в конце сказки, через брак с царем. Однако имя её намекает на то, что она - одного рода с волшебными героинями, приходившимися Бабе-Яге дочерьми или «племянницами», то есть наследницами.

В значении лексемы *благословенный* содержатся семантические признаки «счастливый благополучный», «обладающий защитной силой, энергией». Значит Бабе-Яге нужны незащищенные, несчастные девушки, для чего же непонятно. Малаховская А. Н. предполагает, что Баба-Яга хочет сделать их своими наследницами, передать ту многовековую информацию, которую она накопила за свою жизнь.

Этимология имени Баба-Яга указывает на то, что более древние корни этого имени уходят в положительную коннотацию, выраженную семами “добрый”, “ограждающий от бед”, “помогающий” (ср. с семантическим объемом лексемы *ведьма*, содержащей сему “вредительство”). Баба-Яга - древний образ и древнейшее божество, ее корни восходят к периоду матриархата. В большинстве древних сказок она выступает в виде дарительницы, снабжавшей героя либо волшебным предметом, либо полезным советом. С приходом же патриархата Бабу-Ягу стали связывать с кухней и ее атрибутами: печь, ступа, пест, метла и др. И именно в этот период Баба-Яга начинает внушать страх и ужас, «некогда уважаемое существо было сведено со своего высокого места в иерархии почитаемых сверхъестественных существ» к более низким существам славянской мифологии.

Итак, *Баба-Яга* - оним, имеющий богатый ассоциативный шлейф, функциональная нагруженность расширяет смысловые рамки данного имени и покрывает семантические области, ключевыми понятиями которых являются понятийные единицы *помощник*, *даритель*, *проводник*. Но не следует забывать и о *опасности*, *злобе*, *муке* - семах, которые также отражают сущность этого имени. Отсюда представление о Баба-Яге как о противоречивой сущности, несущей с собой смерть и исцеление, испытание и награждение, вред и помощь.

Список литературы

1. Аникин В. П. Русская народная сказка: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
2. Ефимкина Р. П. Пробуждение Спящей красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках: монография. СПб.: Речь, 2006. 263 с.
3. Малаховская А. Н. Наследие Бабы-Яги. Религиозные представления, отраженные в волшебной сказке, и их следы в русской литературе XIX-XX вв. СПб.: Алетейя, 2007. 344 с.
4. Русская мифология: энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидшрад, 2005. 784 с.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

УДК 81:39

Наталья Валентиновна Жуковская

Таганрогский государственный педагогический институт

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ УСТОЙЧИВЫМИ СОЧЕТАНИЯМИ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ С КОМПОНЕНТОМ-ЭТНОНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Одним из перспективных направлений современной лингвистики является изучение языка как формы отражения национально-культурной картины мира. Не последнее место в этой картине мира занимают **этнические стереотипы** - «обобщенные представления о типичных чертах, характерных для какого-либо народа или его культуры» [2, с. 178]. Этнические стереотипы часто создают значительные препятствия в межкультурном общении, поскольку люди имеют склонность воспринимать поведение представителей других культур с позиций своей культуры, что приводит к искаженному истолкованию их смысла, и, как следствие, к отрицательной оценке народа и его культуры в целом.

В лингвистике используется понятие "языковой стереотип", который часто реализуется посредством этнонимов - наименований представителей народов. Существующие в сознании стереотипы по отношению к другим народам приводят к тому, что за этнонимом могут закрепиться определенные коннотации (чаще всего отрицательные), что особенно ярко проявляется при функционировании этнонима в составе устойчивых сочетаний и фразеологизмов. Большинству подобных единиц присуща отрицательная оценка, то есть носители языка как будто видят в представителях других национальностей только отрицательные черты, а положительных качеств не замечают. На самом деле, это явление является в принципе естественным для процесса национально-культурной идентификации и самоидентификации, который в межкультурной коммуникации описывается с помощью понятий «свой» и «чужой». В данной оппозиции понятие «свой» подразумевает тот круг явлений окружающего мира, который воспринимается человеком как знакомый, привычный, само собой разумеющийся. В противоположность ему понятие «чужой» охватывает все то, что находится за пределами само собой разумеющихся, привычных и известных явлений или представлений. Специфика человеческого восприятия такова, что все «чужое» (т.е. иностранное) изначально воспринимается как непонятное, странное, плохое, зловещее, несущее угрозу и т.п. [1, с. 117; 2, с. 36-37].

Таким образом, этноним, являясь компонентом устойчивого сочетания, может выражать, с одной стороны, характеристики конкретной этнической группы, а с другой - некое общее представление об иностранном как о «чужом», опасном, противопоставленном «своему».